

о ступенчатом построении формальных языков: система языков $Я_0, Я_1, Я_2, Я_3, Я_4, Я_5, \dots, Я_n$ (где n – натуральное число) и объемлющего их языка $Я_w$; после $Я_w$ строится язык $Я_w'$.

Обобщая выше сказанное, стоит отметить некоторые специфические черты неклассической логики в историческом горизонте. И так, интерес к логике, по-видимому, инициируется постулированием в философии особой роли языка. Основная интенция философии после «лингвистического поворота» – большой интерес к языку, поэтому закономерно возвращение логики на арену передовых философских направлений. Новый этап в истории логики базируется на рефлексивной и критической установке относительно непреложности и универсальности законов классической логики. Подобные реформистские установки были осознаны еще Кантом и Гегелем, однако последовательная теоретико-логическая критика «аристотелевских» принципов логики начинается только с Н. А. Васильева. Отбрасывая закон исключенного третьего и отчасти закон противоречия, российский логик строит принципиально отличную от классической систему «воображаемой логики». Поиск базисных оснований логики ведет и Я. Лукасевич, выстраивая трехзначную логику, а позднее – многозначные логические системы. Закон исключенного третьего становится объектом критики для интуиционистов – так, Л. Э. Я. Брауэр центрирует свою теорию принципом конструктивности и проблематизирует понимание логического отрицания. Указанные интуиционистские тенденции продолжает и конструктивизм.

Таким образом, неклассический этап в истории логики – результат аналитического осмысления и преобразования логики изнутри, в контексте внутрилогических исследований. Осознание методологической ограниченности классической логики и развитие формального аппарата – развитие символической логики, построение адекватных семантик логических языков – приводит к революции в логической науке, сравнимой с построением неевклидовой геометрии.

ОТ КЛАССИЧЕСКОГО К (НЕ)КЛАССИЧЕСКОМУ: ДВА ВОПРОСА О СТАТУСЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ЛОГИКИ

А. С. Кляшторный

*аспирант кафедры онтологии и теории познания
Департамента философии Института социальных
и политических наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

По всей видимости, не вызывает особых сомнений тот факт, что в рамках современной философской мысли (современной согласно

особой мере длительности, присущей философским обсуждениям) мы можем наблюдать значительное число дискуссий, посвященных дихотомии классического/неклассического (понятий чего-либо, картин мира, типов рациональности и т. д.). Более того, представляется, что некоторые из подобного рода обсуждений к настоящему моменту времени уже обрели статус, позволяющий не только избегать вопроса об их осмысленности, но и быть представленными в учебной академической литературе¹⁴⁹.

Примером такого рода обсуждений может выступить обсуждение классического/неклассического типов научной рациональности (классической/неклассической науки), представленное в одном из учебников для аспирантов по предмету кандидатского минимума «История и философия науки» следующим образом: «В классической науке построение теории начиналось с поиска системы наглядных представлений о природе, составляющих научную картину мира. Эти представления затем проходили длительную проверку опытом и принимались в качестве оснований для создаваемых теорий. В неклассической науке, прежде чем выдвигать новые представления картины мира, стараются выявить условия и принципы деятельности, проанализировать основания метода, посредством которого обнаруживаются соответствующие характеристики природы, выражаемые картиной мира»¹⁵⁰.

Принимая за основание факт определенного социального признания осмысленности подобных дискуссий, в контексте дихотомии классического/неклассического в философии науки кажется возможным и относительно собственной темы исследования, эпистемической логики, поставить два осмысленных и небезытересных вопроса: вопрос «внутренний» и вопрос «внешний».

«Внешний» вопрос, первый вопрос о статусе эпистемической логики, связан с задачей определения места ветви данных исследований в древе логической науки: следует ли полагать, что эпистемическая логика (и, быть может, даже шире – модальная логика) является видом неклассической логики? «Внутренний» вопрос связан с задачей квалификации статуса эпистемической логики посредством обращения к ее семантике: можно ли говорить о том, что в процессе развития эпистемической логики происходит возникновение нового, неклассического определения понятия знания и отказ от классического определения понятия знания?

¹⁴⁹ В сущности, снятие вопроса об осмысленности некоторого обсуждения является естественным следствием представленности в учебной литературе, которая, в свою очередь, является неременным атрибутом функционирования нормальной науки согласно взглядам Т. Куна.

¹⁵⁰ Степин В. С. История и философия науки. М.: Академический проект; Трикста, 2011. С. 318.

Ответ на первый из рассматриваемых вопросов может показаться предельно тривиальным: эпистемическая логика может считаться неклассической просто по той причине, что является разновидностью модальной логики. Согласно сведениям, которые можно почерпнуть из практической логики любого учебника по логике, в рамках систем классической логики рассмотрению подвергаются лишь ассерторические высказывания, содержащие утверждение о наличии или отсутствии некоторой ситуации в действительности («Идет дождь»), в то время как модальные высказывания служат объектом изучения одного из видов неклассической логики – модальной логики.

Помимо информации о наличии или отсутствии некоторой ситуации модальные высказывания также содержат и некоторую оценку данной ситуации («Хорошо, что идет дождь»), осуществляемую посредством специальных терминов, именуемых модальностями. Эпистемические модальности соотносят утверждения о наличии или отсутствии ситуации с эпистемическими установками (знанием, мнением, верой, убежденностью) некоторого лица («Петя убежден, что Марс – спутник Земли»). Таким образом, следует, казалось бы, уверенно заключить о принадлежности эпистемической логики к числу неклассических логик.

Тем не менее, представляется, что данная уверенность может быть поколеблена посредством обращения к вопросу построения модальных систем. Как показывает практика, современные системы логики алетических, деонтических, эпистемических и прочих модальностей строятся как расширения классических логических систем. В том случае, если рассмотрению подвергаются пропозициональные модальные логические системы, то следует отметить, что при их построении к алфавиту классической пропозициональной логики прибавляется лишь один новый тип логических символов – модальные операторы. Минимальной нормальной системой модальной логики является исчисление К (некоторыми авторами именуется исчислением Т), дедуктивные постулаты которого состоят из схем аксиом классического пропозиционального исчисления, к которым добавляются две модальные схемы аксиом:

1. $\Box A \supset A$
2. $\Box (A \supset B) \supset (\Box A \supset \Box B)$

На основании изложенного кажется верным заключить, что процесс построения указанных систем представляет собой надстройку над классическим пропозициональным исчислением. Данное заключение обнаруживает свое согласие с точкой зрения,

представленной в одном из образцов академической учебной литературы: «Модальности, осуществляющие квалификацию ситуаций в ином, нежели алетическом аспекте, по своим логическим свойствам в чем-то сходны, а в чем-то отличны от них. Поэтому возможный набор дедуктивных постулатов в системах с деонтическими, аксиологическими, временными и эпистемическими модальностями в каждом случае имеет свою специфику, хотя построение этих систем осуществляется по тому же принципу, что и в нормальных модальных исчислениях: они формулируются как надстройка над классической логикой»¹⁵¹.

Таким образом, ответ на «внешний» вопрос не кажется столь тривиальным: квалификация эпистемической логики как неклассической исключительно по типу рассматриваемых пропозиций, в ситуации построения систем эпистемической логики посредством надстройки над классической логикой, не представляется обоснованной в полной мере.

Второй из поставленных ранее вопросов – «внутренний» вопрос о вероятности возникновения нового определения понятия знания в процессе развития эпистемической логики, по всей видимости, не имеет варианта ответа, проистекающего из того, что можно посчитать «прописными истинами» логики. Как известно, классическое определение знания впервые обнаруживает себя в диалоге Платона «Теэтет»: «<...> истинное мнение с объяснением есть знание»¹⁵². В более развернутой форме данное определение (вместе с определением мнения и веры) присутствует в «Критике чистого разума» И. Канта: «*Мнение* есть сознательное признание чего-то истинным, недостаточное *как* с субъективной, *так* и с объективной стороны. Если признание истинности суждения имеет достаточное основание с субъективной стороны и в то же время считается объективно недостаточным, то оно называется *верой*. Наконец, и субъективно, и объективно достаточное признание истинности суждения есть *знание*»¹⁵³.

В 1963 г. классическое определение знания было подвергнуто существенной критике в небольшой статье Э. Гетье «Является ли обоснованное истинное убеждение знанием?»: посредством двух примеров автором было продемонстрирована возможность обладания некоторым лицом истинного и обоснованного убеждения относительно некоторого положения дел при отсутствии знания о данном положении дел.

¹⁵¹ Бочаров В. А., Маркин В. И. Введение в логику. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2008. С. 315.

¹⁵² Платон. Эвтидем / Платон. Собрание сочинений: в 4 тт. Т. 2. М.: Мысль, 1993 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/teate.htm> (дата обращения: 20.11.2015).

¹⁵³ Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2010. С. 610.

Результатом критических замечаний Гетье послужило появление ряда исследований, направленных на уточнение условий принятий некоторого высказывания в качестве обоснованного, то есть, уточнение классического определения, а не отказ от него или даже его радикальный пересмотр. Современные исследования в рамках эпистемической логики (исходящие из понятий общего, имплицитного, эксплицитного знания; связанные с изучением субъективных условий обладания знанием или мнением) так или иначе продолжают опираться на классическое определение понятия знания.

Таким образом, и второй из заданных вопросов заслуживает скорее отрицательного ответа.

Исходя из всего вышеизложенного, следует отметить, что в контексте дихотомии классического/неклассического в философии науки итоговым ответом на оба вопроса, заданных относительно статуса эпистемической логики, должно являться указание на классический статус данной ветви логических исследований. Вероятно, подобный ответ несколько нарушает ожидания рассуждающего, влекомого необходимостью применения схемы «от классического к неклассическому» при рассмотрении значительного числа тем философии науки, однако, полагаю, что в случае эпистемической логики данная схема в лучшем случае может быть представлена как «от классического к классическому».

О СТРУКТУРЕ КОГНИТИВНОЙ СИСТЕМЫ АГЕНТА

А. Ю. Комаров

*магистрант 2 курса по направлению «Математика
и компьютерные науки» Института математики
и компьютерных наук Уральского федерального университета
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург*

Одним из важнейших признаков неклассического этапа развития науки является то, что принято называть принципиальной неустранимостью субъекта познания. В связи с этим возникает вопрос, можно ли, переходя к неклассической парадигме, продолжать говорить об объективности научного знания. Один из возможных ответов на этот вопрос – да, о сохранении объективности науки можно говорить при условии объективации субъекта познания. В настоящей статье делается шаг в указанном направлении, а именно, предлагается подход к пониманию познающего субъекта, как системы, состоящей из трех подсистем: сенсорной, языковой и системы логического вывода, при этом